

Татьяна Ивановко

18+

ЗОЛОТО

ТОМ 3

Золото

Татьяна Иванько

Золото. Том 3

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Иванько Т. В.

Золото. Том 3 / Т. В. Иванько — «ЛитРес: Самиздат»,
2018 — (Золото)

ISBN 978-5-532-95925-5

Золото добыто, но все ли расплатились за свершившееся чудо и дар Бога своему народу? Героям предстоит переосмыслить свою жизнь и отношения друг с другом, что победит долг или страсть? И кого? Какую цену каждый заплатит за свой выбор? Что стоит дороже - любовь или власть? В сложную любовную геометрию вплетается заговор внутри царского терема и семьи, запутываясь в непроходимый лабиринт. Кто выйдет из него самим собой? Кто вообще останется в живых, а кого удушат хитросплетения интриг и предательств?

ISBN 978-5-532-95925-5

© Иванько Т. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Часть 10	5
Глава 1. Познание	5
Глава 2. Жертва	14
Глава 3. Золото	18
Глава 4. Дурное вино	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Иванько

Золото. Том 3

Часть 10

Глава 1. Познание

В моей спальне очень тихо и предзакатный свет, кажущийся плотным, осязаемым, такого он чудесного розово-золотого цвета, льётся в окна. Слышны где-то сварливое перебрёхивание собак, крикание, скрип ступицы и неровное погромохивание колёс проезжающей повозки, голоса, слов не разобрать, чей-то смех раскатился сухими горошинами и затих... Обычный дворовой шум.

– Бел... милый, почему мы здесь? – Ава посмотрела на меня изумлённо и, хотя я удивлён не меньше, чем она, потому что мы в моей постели, обнажённые и укрытые свежими мягкими ещё не смятыми простынями и пухлым покрывалом из белой лисы. Даже окна открыты, я приказывал, уезжая, каждый день открывать окна, на ночь закрывать.

Я ответил разом, первое, что слетело с языка:

– Где же нам быть, милая, мы поженились.

Ава поверила, потому что как можно в это не поверить, улыбнулась. Даже засмеялась, обняв меня:

– А я... заснула, что ли?.. Ох, и квашня! – она засмеялась, прижимаясь ко мне тёплым лбом и обвивая своими тонкими руками. – И сон даже приснился, Белуша, вообрази! Долго я спала?

– Какой сон? – я погладил её волосы, от висков гладкими блестящими волнами, отливающими жемчугом, плывущие от головы по моей постели.

– Да ну, Бел... какой-то... какой-то дурацкий... даже страшный... Как хорошо, что всё сон...

Её глаза заулыбались только мне и тому, что мы вместе и мы... Ава, наконец-то, мы вместе...

– Погоди, Белуша... – она легонечко удержала меня, готового поцеловать её.

– Ты боишься? – я коснулся её лица пальцами.

– Да... так глупо... – смутилась она, моргнув. – Поэтому и заснула, наверное... со страху, – она вдруг выскользнула из моих рук и села на постели, свесив ноги на пол, убежит ещё, с неё станется.

Не надо её пугать. Я коснулся кончиками пальцев её спины, она потянулась за ними, как вода.

– Чего ты боишься? Авуша, милая?

– Ты будешь смеяться...

– Обещаю, что не стану, – улыбнулся я. – Ты думаешь...

– Мне будет больно... – сказала она.

Вот-те раз... Господь, Вседержитель, конечно, если всё было сон, и только я не сон...

– Не будет. Я обещаю. Тебе никогда со мной не будет больно, – уверенно улыбнулся я. –

Всё же я кудесник, ты забыла?..

Если она перестанет верить в возникшую непонятно как иллюзию, что произойдёт, иллюзия разрушится? Где мы окажемся тогда?.. «Я не могу заставить Её Тебя любить... притяни Её,

Твоя кровь в её груди...» Неужели придётся прибегнуть к этому? Нет-нет, я не хочу, я хочу её по-настоящему, без ворожбы. Она всегда меня любила, никуда это не делось за двадцать лет.

– Ава, иди ко мне...

Она повернулась ко мне и посмотрела из-под спустившейся волны волос:

– Мы, правда, женаты? Ты и я... мы...

– Разве я мог бы... – я потянул руку к ней, она подняла свою ладонь к моей навстречу, пальцы к пальцам.

Ава улыбнулась:

– Да... да, милый. Ты... ты меня любишь? Мне страшно, что ты... что я... потеряюсь.

Как в темноте...

– Никогда, – я потянул её за руку к себе. – Ничего не бойся. Я всегда буду рядом. Всегда...

Я смотрю в её лицо. Наконец-то я смотрю в её лицо на моей подушке. В моей постели и на моей подушке. И она не пытается улизнуть и не боится больше, и нет этих «грешно», «нехорошо» и «нечестно».

Для меня всё вдруг стало иначе, и вкус поцелуев, и прикосновения, и кульминация, всё приобрело остроту и будто ожило и засветилось внутри, как та самая Спираль или Лабиринт, когда Солнце вошло внутрь...

Всё изменилось, отрывая от земли, или где мы оказались сейчас, и её тихий вскрик, и вздох, и её дыхание на моей коже, и её губы, и живот, и груди, отвечающие на мои прикосновения, вибрируя и будто вспыхивая... и её лоно, где заканчивается для меня всё сущее и всё начинается. Снова и снова, нельзя перестать, как нельзя перестать желать этого. Никогда ещё во мне не было столько вожделения и столько сил для его воплощения...

...Наши волосы стали мокрыми, прилипая к нашим телам, наши губы воспалились, наши глаза не спят, наши горла охрипли... я видела рассвет сквозь ресницы уже два или три раза... мы не спим, мы изредка пьём воду и едим лепёшки с мёдом и это придаёт нам сил, мы говорим, но всё о том, как мы любим друг друга и как хорошо, что мы вместе. Тёплая нежность и желание заливают нас, переполняет тела и души...

Новый рассвет розовым сетом залил горницу. Запахи теплеющей земли, юной травы, нагретого солнцем дерева теремных стен заплывают в окна. Залетает ветерок временами, совсем тёплый, как летом.

– Какой ты красивый, Бел. Какой красивый... – я потрогала его чётко обрисованный рот, кажущийся жёстким, но я знаю, он мягкий, нежный...

Он засмеялся с удовольствием, весело:

– Скажешь тоже...

– И вообще, весь ты такой... ты милый. Как же хорошо!

Он наклонился, целуя меня...

– Я не могу больше... – засмеялась я, чувствуя его вновь поднимающееся желание. – Или могу?..

Он засмеялся тоже:

– Мы оба можем ещё многое...

...Солнце широкими объятиями обнимает абсолютно пустой Солнечный холм и мы лежим на моём одеяле из белой лисы на том месте, где положено быть каменной спирали...

И её и мои волосы совсем мокрые, будто мы из воды, но прохладный ветерок остужает кожу. Ава села, скрестив длинные ноги, я смотрю на неё во всём откровении яркого полуденного солнечного света. Её кожа блестящая и гладкая как шёлк, самый дорогой и редкий, что привозят с Востока наши купцы, сплавляющиеся по рекам на юг, потом тащат волоком свои лоды и снова плывут, пока не достигнут дальних-дальних городов, где торгуют шёлком. Туда везут невиданные там товары: пеньку, лён, стальные мечи и ножи, рыбу, рыбью кость, пушнину, наши засушенные травы и мёд и много чего ещё. А к нам обратно драгоценные камни, океан-

ский жемчуг, и вот такие ткани... Авины волосы опять начали завиваться в крупные кудри, высыхая на ветру. Её талия, кажется тоньше, чем обхват моего бедра... Да именно так... я обхватил её, поднимая к себе. Она поддаётся так мягко, с желанием позволяя мне всё, чего я хочу. И я хочу, и хочу всё больше, всё сильнее...

... – Давай посмотрим на океан внизу? – сказала я. Мы лежим на спине, выравнивая дыхание и глядя в безоблачное небо, такое неправдоподобно голубое... – Подползём и посмотрим? – это представляется мне забавной шалостью, тем более, что это небо своим пронзительным цветом напомнило мне что-то... что-то из моего странного сна...

Мы так и сделали: мы подползли к самому краю и посмотрели вниз: медленно и горделиво накатывает океан свои волны на квадратные угластые гранитные скалы внизу... в тумане виден берег по правую руку, загибающийся дугой, он поднимается высоким утёсом, на его вершине лежит толстая снежная шапка и производящая этот туман, а сбоку сползает длинный бело-серый морщинистый язык ледника с синей подошвой. И край его просвечивает сквозь прозрачную воду...

– Ледник там... – сказала я.

– Там ему место, а не возле наших городов, – сказал Бел. – А там, – он показал на серо-голубой туманный горизонт, – когда-то жили наши с тобой далёкие предки.

– Интересно, видно было с берега? – сказала я, вдруг представив с ясностью и берега, и даже многочисленные лодки, качающиеся на этих медленных словно маслянистых океанских волнах...

– Думаю, видно. Судя по тому, что написано и рассказывают, плавали на маленьких лодках и это было обычное дело.

– Значит и я доплыла бы. Вода была теплее.

Бел засмеялся:

– Так уверена в своих силах?

– А чего же, уверена, – мне приятно похвастаться, хоть в чём-то я точно лучше него.

Белогор оперся на локоть, волосы, плотной волной лежащие по плечам, легонько полощет ветер, они скатываются на ровную травку под нами, короткую, но нежную, как вся зелень здесь, на берегу океана. Когда-то я жила в одном из городов на берегу... когда? Как странно думать об этом...

– Научилась значит, как? – он приопустил веки от солнца, защищая глаза, но они улыбаются и так светят на меня...

Я села, отодвинувшись подальше от края, чуть отрываешься от земли животом тут на высоте, и становится страшно до судорог в икрах, будто сейчас взлетишь, взметнёшься в полёт, но он станет последним...

– Да так... Пришлось однажды плыть... умереть или выжить. Между жизнью и смертью я всегда выбирала жизнь, – сказала я.

Он побледнел немного. А я вдруг подумала, что я не понимаю, где и как вмещается то, что я сказала ему, что я помню, если...

– Смотри! Смотри! – Бел сбил подступившее ко мне воспоминание, показывая вдаль, и я увидела там, поднимающуюся медленно из воды блестящую чёрную спину...

– Что это? – испуганно я прижалась к тёплому и плотному боку Бела.

Он засмеялся тихо, обнимая меня:

– Это чудо-юдо, кит – огромный морской зверь. Он рождает живых детёнышей прямо в воде, вскармливает их молоком. Он почти как мы... только огромный и...

– И он рыба! – засмеялась я, так странно это его сравнение чудовища с нами.

– Не совсем рыба, у него, к примеру, нет даже жабр, значит, он дышит, как мы... – но тоже засмеялся со мной.

– Откуда ты знаешь?

– В книгах наших предков, что жили на тех берегах много описаний этих животных, – улыбнулся Бел. – А я с детства люблю читать.

Из этой огромной спины вдруг вырвался фонтан брызг, я взвизгнула, увидев его, а Бел засмеялся ещё веселее, обнимая меня большой тёплой рукой. А потом потянул и наклонил к себе, поцеловать меня в волосы, в висок, в угол глаза, я засмеялась, чувствуя, что он дышит всё горячее:

– Всю спину ободрали мы уже, погляди...

Он приподнялся поглядеть и охнул, увидев:

– Больно? Что ж молчишь?.. Ничего, сейчас пройдёт...

Он подул на мою кожу, на ссадины и стал целовать мою спину... сразу перестали болеть, зажали должно быть, чтобы мы наставили новых, которые он тоже снова заживит. Как мне приятно быть с ним... мне приятно всё в нём, всё, что он делает, его желание, прикосновения, его горячее дыхание, обжигающее мне кожу, особенно его наслаждение, он кончает с тихим стоном, зажмуривая глаза в размашистых рывках своего сильного тела, они выталкивают меня в Небеса... как хорошо, что нас просватали когда-то, что меня отдали ему в жёны. Как я люблю его...

...Каменистый берег озера, ледяного и чистого... Я вышел из дома, небольшого, с широким и высоким крыльцом. Я оглянулся, так и есть, это Ганеш. Не полностью всё же Онега умерла в тебе, если мы оказались здесь, и всё же ты любила Явана... Как меня? Или больше? Или... Мне стало грустно немного от того, что она всё же помнит ту свою любовь, она разбилась, но не забыта, не похоронена, и осколки больно ранят, должно быть...

Она помахала мне с берега, обёрнутая всё в то же меховое одеяло, прихваченное из моей спальни. Интересно, что это за дом? Это тот, похоже, в котором мы нашли её, когда приехали с Доброгневой... Да, любила его и воспоминания те дороги ей. Спрятала на самом дне души, но они живут... А он считает, что Онеги больше нет, ошибается. Но и пусть...

Я подошёл к ней.

– Пойдёшь со мной? – она кивнула на воду.

– Да ты что... Купаться вздумала?! – ужаснулся я.

– Айда! – засмеялась она, и, подбежав к кромке, бросилась с разбегу в ледяную воду...

Что там чудо-юдо, океанский громадный пловец, вот удивительное существо, что плавает ещё лучше, изящнее и быстрее... Она вышла из воды, облепленная распустившимися из-за воды волосами.

– Иди, согрею, – я раскрыл объятия.

– Мне не холодно, как огонь по коже! – Ава захохотала, задыхаясь от весёлого возбуждения после ледяной воды. – Ты не пробовал ни разу? Никто не решается никогда... все боятся...

– Иди ко мне, – повторил я.

Она всё смеётся, глядя на меня, отжимая волосы:

– Бел, я не могу больше совокупляться...

– Я могу.

– Да я вижу! – прыснула она, – неутомимый... Великий Белогор. Всегда такой?.. Поймай меня тогда... Поймаешь – возьмёшь!

Я бросился за ней без предупреждения, а она, взвизгнув, отскочила и побежала со смехом весёлым и счастливым, как когда-то, когда она была совсем маленькой и мы играли в салки, я бегал так же за ней, а поймав, целовал в щёчки...

И снова мы лежим рядом на меховом одеяле, она повернулась ко мне, солнце ещё высоко и греет кожу, золотит её.

– Бел, милый, давай поговорим? – Авилла смотрит очень ясным взглядом. – Не морочь меня больше, это... как-то нечестно.

– Не морочить? – я посмотрел на неё, внутренне сжимаясь. – О чём ты?

– Это ты наводишь морок?.. – больше не улыбается и не смеётся. И оба глаза потемнели. Мне стало не по себе, она... поняла всё, больше не обманешь...

– Нет, Ава, не я... Я не знаю, что это... – честно сказал я.

– Мы сейчас в Лабиринте и всё... это не сон, конечно, потому что тебя и себя я чувствую по-настоящему, куда реальнее, чем этот дурацкий дом, который вовсе не на берегу озера стоит... – она повернулась на спину. – Всё взаправду и всё не так. Что это?.. Переход между миров или... ты знаешь, что это такое? Что происходит? Может, мы умерли? – она повернула голову ко мне снова.

– Тогда не было бы тел, – сказал я, протянул руку и легонько сжал её грудь ладонью. Если она поняла, не оттолкнёт ли меня теперь?..

– Где мы, Бел?

Вот началось: она взяла мою ладонь в свои, снимая со своей груди.

– Ты такой умный, ты понимаешь?

Я сел, обхватил колени, сцепив руки:

– Нет, Ава. Он так и сказал, что мы всё равно не поймём, что происходит... – честно признался я.

Чего уже теперь. Расскажу всё, что знаю сам. Мы с ней вместе вмешаны в происходящее. Наравне. Только моя ответственность выше, я хотел её обмануть и привести сюда... чтобы... чтобы она легла со мной, иначе мне её было не получить. Не для высокой цели продления царского рода на троне Севера, когда была эта цель, эта мысль? Всё снесла наша встреча с ней, я просто хотел её... Для этого привёл. Для этого, и Он понял, потому так забавлялся, смеялся...

– Я хотел видеть, хотел ЗНАТЬ, хотел открыть что-то для себя, но я запутался окончательно. То ли это шутки наших сознаний, но тогда почему одни и те же для двоих?... Даже... – я обернулся к ней, – даже волосы твои... то кудрявые, то гладкие, как были в детстве... Ава...

Я смотрю на неё, боясь увидеть отвращение, ненависть в её глазах. Даже, если они мелькнут лишь на мгновение...

– Ненавидишь меня теперь? Что я... воспользовался вот так? Обманул тебя. Он сказал, что я могу войти без тебя, он открыл всё, тебе необязательно было входить, всё открыла наша кровь... Но я хотел тебя... Хотел, чтобы... Поэтому не оставил.

Она села тоже и, так же как и я, обхватила себя за колени, мотнула головой, не глядя на меня, куда-то в туманную даль:

– Я хотела. Быть с тобой. Отдаться всему без оглядки. Тебе. Слышишь?..

Вот это стоит дорого. Дороже всего. Всего остального, что надеялся получить, заманивая её.

– Ава... – я протянул руку к ней, она не отодвинулась, прильнула к моему плечу.

Но... Я почти ненавижу этот город, не могу не вспоминать о том, что из-за Явана мы здесь...

...Спасибо, мы снова у меня в тереме. В горнице, где обычно я принимаю гостей.

– Дай надеть, хоть что-нибудь, а? – попросила Авилла, перебрасывая волосы вперёд. – Ходим как звери...

Я открыл сундук, задача, конечно, одежду ей у меня найти. Будь сон, тут же нашлось бы, но где там, мой сундук – штаны, рубахи... ну, вот какая-то длинная рубаха... и сам надел что-то в том же духе, чтобы мы не отличались слишком друг от друга, и оба мы по-прежнему босые. И лохматые.

Я налил мёда в золотые кубки.

– А всё-таки мы и поели, – усмехнулась Ава, – а ты смеялся надо мной. Даже ходили по нужде.

– И не раз! – засмеялся я. – то ж удивляться, это мы, не души, а мы целиком.

Мы долго смеялись, вспоминая, как мы искали на Солнечном холме для этого дела потайное место...

– Если мы всё поняли, значит, всё это иллюзия, странное наваждение...

– Иллюзия?.. Мы сразу ЗНАЛИ, – она взяла тяжёлый кубок, он качнулся, угрожая пролиться. – Нет? И потом... где ж иллюзия, – она улыбнулась, немного смущённо опустив веки, – Бел, мне даже больно сидеть... никакой иллюзии, всё на самом деле.

Я не смущён, я счастлив этим...

– Думаешь это мой терем?

– Конечно и одеяло твоё, – она кивнула одеяло, лежащее неровным комом поперёк лавки. – Перепачкали вон травой... песком и тиной в Ганеше.

Но вздохнула, поднялась из-за стола:

– Где гребни у тебя, лохматые мы оба, колтуны собьются вот-вот.

Я поднялся и принёс гребень и щётку. Гребень из бивня древнего слона, что пасли когда-то и наши предки и которые все погибли тогда же, когда затонул весь древний материк в океане. Но костей этих удивительных зверей, никогда не невиданных нами, находилось в изобилии до сих пор. Он гладкий, белый, скользкий и тёплый, как и все костяные вещи.

– Я расчесу твои волосы, а ты мои, идёт, Белуша? Белуша-Горюша, засмеялась она. – Как тебе больше нравится, «Белуша» или «Горюша»?

– Мне всё нравится, все эти смешные глупые прозвища, что ты придумываешь для меня, – чувствуя прилив счастья в животе, сказал я.

Она улыбнулась:

– Садись, милый.

А сама встала за моей спиной, погладила меня по волосам, касаясь, кончиками пальцев висков, лба, шеи, разобрала волосы, и стала осторожно и бережно расчёсывать, чуть-чуть шелестя волосами, не выдёргивая, распутывая образовавшиеся узелки.

– Знаешь, что я думаю, Горюша, я думаю, мы задаёмся не тем вопросом. Мы не должны думать, ГДЕ мы, тем более, что мы оказываемся всё время в каких-то местах, где бывали, ничего необычного. И мы не должны думать, КАК мы оказываемся то в одном месте, то в другом, Он прав, мы не поймём, это тупик. Мысленный тупик. По-моему... по-моему, мы должны подумать ЗАЧЕМ?

Я вздрогнул, я знаю, зачем я здесь. Вернее знал. Или это не всё. Ведь ничего не исчезло до сих пор, значит ещё не всё...

И тогда я вдруг вспомнил, что спросил, но не дал ответить. Я вспомнил, что я хотел знать не только загадки мироздания и древней магии, но и её загадку. Как ей удалось выжить? Выжить и не распасться? Без этого ответа, все разгадки неполны для меня.

– Так как ты научилась плавать, Ава? – спросил я.

Она остановилась с расчёсыванием. Положила тёплые ладони мне на плечи:

– Думаешь, это то, о чём мы должны говорить сейчас?

– Я не знаю... Думаю, что да. Как я понял, тут не происходит ничего случайного.

Ава вздохнула:

– Готов, прекрасноволосый Белогор, – сказала она, отдавая гребень мне.

– Я ведь вообще не знаю, что было с тобой последние восемь лет. Расскажи мне всё, Ава.

Она опустила голову:

– Для «всё» не хватит и года...

Ава посмотрела на меня с такой улыбкой, что злые кошки заскребли мою душу, опять я почувствовал, как виноват, что у неё такая улыбка и такие глаза сейчас.

– Но хотя бы о том, как я научилась плавать... – она посмотрела на меня. – Остальное само нарисуеться в твоей голове, потому что этот случай всего лишь один из тысяч других. Тысяч, Горюшка... Так-то...

Она села на лавку, а я взялся за расчёсывание её кос, как договаривались... Когда она была малышкой, нередко случалось, что я заплетал ей волосы, подвижная и бойкая девочка, часто оказывалась неприлично растрёпанной, мамкам её было не догнать, ко мне же в руки она всегда шла с радостью. Садилась на колени, и я плёл ей косы. Они тонкие, шелковистые были тогда. Теперь сильнее, гуще, теперь выются... то поддаются, то нет, то цепляясь за пальцы, то послушно скользят.

– На ладье, на которую я сдуру напросилась, поверив в добрые стариковские глаза хозяйина, кроме меня плыли ещё несколько человек. Торговая ладья, продали рыбу, возвращались с юга, нагруженные тканями, мешками с вялеными и сушёными фруктами, чёрт его знает, чем ещё, эти-то тюки по палубе были расставлены в большом количестве. Я спешила уехать из Озёрного, к тому же опасалась пойти одна пешком, хотя хаживала из других городов, но не в тот раз. А обоза с Солнечного двора не предполагалось ещё неделю... Это к тому, что в это время, я научилась уже перемещаться по городам и весям. Но с ладьёй вышла промашка, впрочем, научившая меня многому: не верить симпатичным улыбочивым старикам, прислушиваться к разговорам всех и всегда, ну и плавать... – она вздохнула, но не тяжко – всё пережито. – На палубе сидели ещё две старухи и ели варёное сало с ржаными лепёшками, закусывая луком. Я не была голодна и с собой у меня была припасена еда, это я тоже умела уже, но вкусные запахи плавали над палубой, не давая покоя не только мне, но и остальным. Старухи, впрочем, не жадничали и угостили купчишек и рыбаков. Насытив желудки, они захотели развлечения поострее свинины... Я привыкла не спать и спать вполглаза, я привыкла одеваться скромнее любой старухи и прятать лицо и косы, но им было всё равно какова я...

– Изнасиловали тебя? – упал голосом я.

– Нет, Горюшка... Но дралась я так, что они, уже и пораненные моим ножом, и подбитые, и покусанные и испарапанные изрядно, вошли в раж и вместо того, чтобы действовать союзно, тогда, может, и одолели бы, чего там, их было шесть человек... Но они просто вышвырнули меня за борт со злости, плюясь и ругаясь...

Я снова охнул, мне и представить подобное было жутко, да не жутко, невозможно, напасть, вшестером... Но Ава продолжала довольно спокойно:

– Озеро, не река, хотя бы не было течения, ночь, но к счастью, луна и звёзды прекрасно освещали мне всё...

– Ты... – не могу поверить я, – ты не испугалась, оказавшись в воде среди ночи, не умея плавать?

– Нет, мой свет, Белогор Ольгович, я не испугалась. Я обрадовалась, что вырвалась из их мерзких рук, что не чувствую их вони и не слышу голосов и того, что они говорили... А пугаться воды... Вода охладила мне тело, остудила ссадины и ушибы. Я поняла, что одежда топит меня и избавилась от лишней: от тужурки, от обуви... тонуть я не собиралась, хотя и нахлебалась воды, пока стягивала с себя все тряпки. Так что я пузырь сделала из намокшего платья и поплыла, как плавают собаки, лошади, кошки, все звери, попадающие в воду. Только у меня был ещё плот, в виде пузыря из юбки...

– Боги... – я не верил ушам. Я представил, смог бы я так... – лето было?

– Нет, милый, осень, даже листья уже опали к этому времени, утренники обмораживали траву... Но к холоду я привыкла раньше, когда спала в амбарах без крыш, ходила почти босая круглый год...

– Как ты выжила?! – выпалил я. – Как можно было выжить?

– Я не одна такая, Белогор, я... тебе дорога, поэтому ты принимаешь близко к сердцу мой рассказ... Но таких девушек... мальчишек ещё больше, только к ним между ног не лезут каждый день, но тоже достаётся... сиротам нелегко, Белуша. Столько сирот... Одно нашествие за другим, люди черствеют...

Лицо тут её просветлело, как лучик мелькнул сквозь тучи:

– Но знаешь, в Ганеше после пожара, ведь погибло столько людей... но ни одного сироты не осталось. Тех, что и до бедствия были и то по семьям разобрали... – она обернулась и улыбнулась так ясно, что и мне стало отрадно на душе.

А потом со вздохом отвернулась опять, предоставив мне продолжить заниматься её косами.

– У меня была подруга в Ганеше... – у неё немного дрогнул голос впервые за весь рассказ, – она... вот то же всё, что у меня. Только она решила, что легче всё же не бороться, а принять правила игры в которых ты не даже не игрушка, а пыль на игрушке...

– И что с ней? – спросил я, хотя ясно, что ничего хорошего...

– Пыль с фигур смахивают всё время и всё время разные руки... – произнесла Ава тихо. – Она умерла. Но не из-за этого... по страшной случайности из-за меня. Её убил человек, от которого я и бежала так спешно из Озёрного. Он четыре года преследовал меня, пока не узнал, что я выхожу за Явана. Тогда и зарезал. Думал меня, но обозначился в темноте... Но не он, я не знаю, лучше было бы, если бы адская жизнь её продолжилась?.. Хотя она изо всех сил старалась не замечать своего ада... Когда оказываешься там, где была я, открыты только два этих пути...

Я сел рядом с ней на лавку, оставив уже заплетённую мной косу:

– Простишь ты меня когда-нибудь?

– За что?

– Я должен был прозреть раньше и не дать Дамагою сделать то, что он сделал... я – твой жених, я должен был защищать тебя. А я, далегляд хренов, всё проглядел. Слишком был уверен в себе, в тебе, в неколебимости грядущего и... всё проглядел. Всё проворонил...

Она смотрела на меня, подперев кулачком висок:

– Ну, ничё... – опять играетя. Ох, Ава... – Ты шибко-то не страдай, я только крепче стала.

– Ава...

– Не надо, Бел, царица должна быть сильной, а не такой, какой я была бы, будь всё, как мы намечали. Такой нельзя быть даже в самые спокойные и благополучные времена. На троне должен быть бесстрашный воин, чуткий как зверь, сильный и гибкий как булат. Иначе он не отстоит своё царство. Между прочим, может быть, и лучше было бы, если бы я вовсе не родилась, а царём стал бы Дамагой.

– Нет, – я нахмурился, я убеждён, что она не права, – всё, что ты говоришь всё правильно. Только царь не должен быть подлым. Должен быть чистым, проводником света. А Дамагой подлец. Низкий и лживый. Грязный... как мне жаль, что он успел сбежать...

Ава тронула мою руку, взявшуюся в кулак с побелевшими костяшками:

– Не надо, Бог ему судья, я тоже должна была быть потвёрже. Мне не два года было, понимала всё...

– Не надо, сердце лопнет слушать тебя... – выдохнул я.

Она обняла меня, поднявшись, прижала мою голову к себе:

– Сердце... милый мой Бел, не надо про сердце...

Я поднял лицо, обнимая её, прижимая к себе, тёплую, совсем мою теперь. Она погладила меня по лицу, легонько касаясь пальцами:

– Не надо, мой хороший... И так... натворили мы... Хоть мы и чёрт-те где и другое всё тут, мы всё те же... – смотрит в глаза мне, не станет больше, не позволит... опять «нечестно»...

Но она улыбнулась и взгляд посветлел:

– А знаешь, чего мы не делали как люди за все эти дни? Мы не спали! – она засмеялась тихо.

– Спать хочешь?

– Хочу. И ноги озябли, – Ава улыбнулась тихо, – со времени этого ранения стала мёрзнуть...

– Ложись. Не бойся, я не подкрадусь во сне.

Она покачала головой:

– Нет, Белуша, я не хочу одна. Ты можешь просто спать со мной рядом, просто быть рядом? Я не согреюсь без тебя... Или... много прошу?

Я поднялся:

– Дурёха ты, «много». Идём, что ж...

И мы улеглись в мою постель, так и оставшуюся, между прочим разобранной и растрёпанной нами ещё... когда это было? Вчера? Или три дня назад?.. Или десять дней? Сколько прошло, когда затмение?.. Вот время точно перепуталось.

Ава уютно устроилась, взяв мою руку под голову себе, и прижавшись ко мне спиной... я укрыл её и себя всё тем же нашим спутником, одеялом из белой лисы. Лежать было так хорошо, если не считать, что некоторое время я потратил на то, чтобы заставить себя не пытаться скользить по Аве руками и прижиматься членом. Я вдруг вспомнил, что впервые лежу с кем-то в кровати, собираясь заснуть... никогда раньше, за всю мою жизнь я ни с кем не спал рядом. Это удивительное, тёплое ощущение близости. Близости и доверия. Такое простое и недоступное для меня никогда раньше.

Но едва я услышал, что её дыхание стало выравниваться, как я оказался во власти почти отчаянного чувства, что сейчас опять потеряю её.

– Послушай! – я развернул её к себе, обхватив лицо ладонями и спеша сказать то, что вдруг возникло во мне: – Я думаю, я чувствую даже, сейчас всё это закончится. Я не знаю, будешь ли ты помнить, что было здесь, я этого не забуду никогда.

Глава 2. Жертва

День за днём, собравшиеся на Солнечном холме, разбив палатки и шатры, ожидали возвращения царицы и Верховного жреца. Первый день сидели и ждали так, жгли костры, варили похлёбку из круп, прошлогоднюю капусту и репу, к которым я так и не могу привыкнуть, пили мёд и вино, ели лепёшки, мясо. Вкусные ароматы плавали над полем, вызывая аппетит. Когда стало ясно, что к ночи Великий жрец и царица не вернуться, разбили палатки, собранные было перед обрядом.

Я, как оставшийся единственным представителем царской власти здесь, приказал пригнать овец, привезти ещё круп, муки, сыра, яиц и прочего, а также вина и мёда. В окрестные леса отправились охотники, к ручьям и рекам

рыбаки. Сколько нам придётся ожидать, никто теперь не знал.

Лай-Дон всё время возле, он первый предложил отправить по домам хотя бы мамаш с детьми:

– Все сведущие говорят, что до ночи никогда не задерживалось это действо, но ничто не указывает, что вот-вот всё закончится, Медведь, – сказал он мне вполголоса, после того, как после заката, бродил среди людей. – Я думаю, лучше нам приготовиться ждать, – он выразительно посмотрел на меня.

Вот тогда мы и приготовились к ожиданию, как выяснилось, не напрасно. Мы с Лай-Доном обсуждали происходящее, уже произошедшее, и то, что ещё предполагается каждый день. После того, как я каждое утро и каждый вечер с верными ратниками, которых я намерен был в ближайшее время сделать воеводами, обходил весь наш обширный лагерь, настоящий временный город, такой, как нам, скелотам было привычно иметь, когда мы вставали в степи, иногда на несколько месяцев, иногда недель, а бывало, что и на пару лет, пока не истощались пастбища, ближние леса и речки. Это нам, скелотам было привычно, и мы с радостью делились с северянами умением жить в палатках, готовить на кострах и тому подобным. К счастью, значительная часть людей разъехались по домам, пожалуй три четверти, но и оставшиеся – это много, очень много людей.

– Почему земля-то трясётся, я не пойму, Яван? Ты же, умный, ты понимаешь? – спросил Лай-Дон, в конце третьего или четвёртого дня.

Я посмотрел на моего главного друга:

– Мы тут не для понимания, Лай-Дон. Это вера. Происходит то, во что ты веришь.

Он помолчал, немного почесал лохматую красноволосую голову:

– Ладно... но почему трясёт землю?

Я засмеялся. Мы шли с ним от берега океана, куда спустились сегодня, к квадратным скалам, посмотреть на прибой, на волны, но спустившись, пожалели о своей затее: вблизи волны оказались громадными, а полоска берега совсем узкой. Поэтому, намочив ноги до колен, мы поспешили обратно, карабкаясь и поскользываясь на камнях, имеющих такие странные очертания, что казались искусственно созданными, они и обламывались плоскими пластинами, обнажая скрытый внутри посверкивающий иней.

Но от воды, казавшейся такой неприветливой льдисто-синей, шёл тёплый дух, куда теплее, чем от окружающих камней, и мелкие брызги, которыми был наполнен воздух, пахли остро и солёно. Казалось, я чувствую вкус морской воды во рту... Сверху так тепло, на солнце, а здесь настоящее царство холода...

– Земля и Небо неотделимы, Лай-Дон, что-то происходит на земле, отражается в небе. А если в Небе, то и на Земле... нет одного без другого.

Лай-Дон засмеялся, довольный моим ответом. Ткнул даже меня кулаком в плечо.

И пока мы не поднялись на самый верх и оставались тут одни, он спросил ещё:

– Ты... всё же с Явором? Ты хочешь... неужели, ты всё же против Орикса? Из-за Онеги? Думаешь тогда...

– Я не предатель, Доня, – мне приятно было называть Лай-Дона прозвищем, данным ему Онегой. Будто всё как раньше, это грело мне сердце.

И добавил:

– Как бы ни верилось, что смогу и воспользуюсь удачей...

Я посмотрел на моего хозяина и друга и испытал прилив любви к нему. Всё же я ошибался, опасаясь, что он может оказаться таким близоруким и подлым к тому же и примкнуть к заговору брата. Нет, Яван Медведь и, правда, мерзавцем никогда не был.

– Но тогда ты в двойной опасности, Яван, – тихо сказал я, сжав ему плечо рукой.

Он засмеялся, отцепляя мои пальцы:

– Ты что меня как девку щупаешь? Не бойсь, Доня, друг, Бог... – я кивнул в небо, – не выдаст, свинья не съест, – похлопал меня по ладони.

Смеётся ещё, весело ему. Чего веселится? На лезвие меча жизнь повесил и веселится...

К концу седмицы, когда все оставшиеся ещё на этом холме, стали беспокоиться, что Великий Белогор и царица уже никогда не выйдут из солнечного диска, когда уже привыкли к содроганиям земли и не хватались за неё при очередном толчке, наконец, с солнцем стало происходить нечто: оно потемнело, его закрыла чёрная тень, подул внезапно пронизывающий, холодный ветер, хотя до сих пор было очень тепло и безветренно и даже облаков не было, завывали дальние собаки, заржали и забеспокоились кони.

– Затмение! Затмение...

Люди забеспокоились, как и животные. Хотя мы знали, что затмение вскоре должно было случиться. Но переживать затмение Солнца без Верховного жреца – это впервые и это пугало.

Мало этого, непонятно откуда, ведь облаков не было, будто на небе опрокинули ведро, полил дождь, ливень, целый потоп, разгоняя тех, кто, задрав головы, смотрел на небо, по палаткам и шатрам, кто-то побежал с плато прочь, к селению под горой. Шум стоял от дождя такой, что мы не слышали возгласов друг друга, будто камни сыпались с неба.

Но и на этом все чудеса не закончились: начавшись так же внезапно, как дождь, повалил снег, всё гуще и сильнее, скрывая и холм и всё плато и обрыв к океану, в конце-концов и само небо, мы уже не видели из-за бурана даже соседних палаток, когда вдруг в этом белом верчении появился, будто сгустившись из вьющихся снежинок и хлопьев, сначала неясный силуэт, даже не понять было человек это или...

Но, приблизившись почти вплотную, странная фигура неожиданно превратилась в Белогора, держащего на руках, завёрнутую в одеяло из меха белой лисы царицу, ветер трепал ему волосы, забивая в них снег, вырывал из рук его ношу, но он крепко держал её, даже, когда я бросился на помощь, он не захотел отдать её мне. И только, споткнувшись и теряя равновесие, уступил, иначе упал бы вместе с ней...

Я крикнул:

– На помощь! Великому жрецу помогите!

Излишним было звать, люди уже и так бежали нам на помощь, преодолевая пургу. Когда мы все ввалились, наконец, в шатёр, выяснилось, что Белогор бос, на нём только длинная, ниже колен рубаха, обессиленный, еле живой, он, задыхаясь, без голоса, с оттаивающими волосами, почти упал на скамью, но указывая на куль, что я держу в руках. Я знаю, что внутри Онега, Онега, кто ещё, тем более, что её-то я в своих руках не спутаю ни с кем, я не хочу потерять даже миг из этого потерянного мной счастья – прикоснуться к ней...

– Разверни... она задохнётся... – просипел Белогор, подняв плечи, он оперся на лавку подрагивающими от напряжения ладонями, ещё задыхаясь.

Нет, она и не думает задыхаться, она забилась в моих руках, и мне пришлось опустить её на топчан, служивший ложем в эти дни мне и Вее, отказавшейся уехать вместе с детьми обратно в Солнцеград. Моя жена теперь не отходит от меня ни на шаг...

Растрёпанная немного, и тяжело, и быстро дышащая, Онега выпросталась из одеяла. И на ней такая же рубаха, как и на Белогоре, только на ней она болтается, в то время, как его плечи и грудь обтянула тесно. Изумлённо Онега посмотрела на меня, отодвинув рукой, потому что я навис над ней:

– Ваня?!.. ты как... – и, приподнявшись, закашлялась...

Я замер от ужаса, увидев кровь у неё на губах...

Лай-Дон, вертевшийся рядом, увидел то же и, найдясь раньше меня, заорал, бросившись к Великому жрецу и лекарю:

– Кровь!.. Кровь у царицы, Великий Белогор! Горлом кровь!..

Я обернулся тоже, напуганный и растерянный, в поисках помощи, Белогор, спотыкаясь, бросился к ложу, отталкивая меня, к ней:

– Ава... нет! – он зажал ей рот рукой и вскричал, срывая окончательно голос, хотя, казалось, был уже охрипшим: – Разойдитесь!.. Все вон! Вон!

И снова обернулся к ней, пытается остановить кашель, который, очевидно, разрывает что-то в её груди... Мы и вышли бы вон, но за качающимися от неистового ветра стеной шатра, валил снег, завихряясь, мотаясь сразу во всех направлениях, он не выпустил нас, поэтому мы все стали свидетелями того, что произошло дальше, того, что обычно Верховные жрецы стараются совершать тайно...

Белогор, чьи волосы и рубаха стали совершенно мокрыми, от растаявшего снега, весь страшный и бледный и будто постаревший на сорок лет, с треском рванул рубашку на плечах Онеги, обнажив её до пояса, и прижал ладонь к левому боку, прямо под грудью...

Его лицо изменилось непостижимым образом, когда он опрокинул её опять спиной на ложе, продолжая держать руку на её груди, он смотрит ей в лицо:

– Ш-ш-ш, тише, тише... не бойся... Слышишь, не бойся, Авуша, я всё... всё исправлю сейчас! Не бойся, погоди, не дыши так... не кашляй... Ш-ш-ш... Не бойся! Только не бойся... я сейчас!

И повернув к нам перекошенное страхом лицо, крикнул:

– Льда! Снега соберите и на грудь ей!.. Силу потерял... потерял... – а сам бросился в раскрытый полог шатра и исчез в белой мешанине...

Этого я не ожидал... Никак не ждал такого поворота, не должно было быть такого, я уверен, что полностью исцелил её рану, не могло открыться кровотечение.

– Господь! Солнце! Останови Смерть!.. – заорал я, зная, что Он услышит меня.

Он захохотал в высоте и глубине неба, ударяя в моей голове, как молотами изнутри:

– Волю взял, говорить со Мной! – зло смеясь, произнёс Он. – Никто после закрытия Спирали не мог!.. Не мог и не смел! Что орёшь, сердце рвёшь? Думал отделаться засохшей кровью со стрелы? Наглец! Верхогляд! Мальчишка!

– Останови! – прокричал я, преодолевая его смех.

– Нет! – вдруг разъярился Он. – Она нужна Мне! Я заберу Себе, Ей не место среди вас!

– Нет! Только не её! Не её!.. Бери, что хочешь! – кричу я, разрывая сердце...

И Он зарычал строго огромнейшим голосом, куда больше, чем до того:

– Ты мало получил?! – грохочет Он. – Никто не входил ко мне так нахально, как Ты, желая брать! ЗНАТЬ, понимать, увидеть, желая подняться над всем родом человеческим! Все шли, исполняя долг, принося в себя жертву своей золотой крови! Но Ты думал о другом!!! Ты пришёл с желаниями! И тебе мало было удовлетворить свой ненасытный ум, Ты захотел и Её!

Он зашумел злобным ветром вокруг меня, мотая и почти срывая рубаху и волосы, превращая в толстый от снега плащ... но мне всё равно, я не чувствую ничего из того, что испытывает моё тело...

– Разве мало Ты получил?! Мало Её страсти, Её вожеления, Её тела?! Мало выпил с Её губ Её наслаждения?! Столько дней Она была Твоя...

– Верни! Верни её! Не смей забирать!

– Ты мне говоришь «не смей»?! – загремело Небо. – Это Твоя жертва! Ты забыл, что этот обряд – это жертва?! Жертва! Ты хотел только получить и ничего не заплатить?!

– Меня возьми!

– Нет! Не Твоё время!

– Возьми, что хочешь! Что хочешь, Господь, только верни!

Вой ветра и ничего... Отчаяние ослепило и оглушило меня.

– Верни! Верни!

Он заговорил без прежней злобы:

– Ты пожалеешь! Она даже не Твоя! На Твоих глазах другого любить будет!

– Верни!

Долгая пауза свистела метелью вокруг меня. А потом совсем тихо:

– Вот она, ваша любовь, глупцы... слепцы, идиоты! Живёте мгновением... На что тратите такую короткую жизнь... мучиться будешь, я избавить Тебя хотел...

Шумит и воет ветром вокруг меня, сечёт мелкими льдинками... я замер, ожидая, чувствуя, что превозмог...

– Иди, принимай в объятия, исцеляй Её снова... всё Твоё, и радость и боль... Пей полную чашу! Не можете радостью одной жить, без муки вам и счастье не сладко...

Онега задыхалась от кашля и крови, всё обильнее вытекающей у неё изо рта... Кто-то заплакал от страха, зажимая ладонями рот.

– Никогда так не было...

– Никогда, чтобы...

– Чтобы царица...

– И чтобы столько времени они не выходили...

– Может, последние времена наступят?..

Я обернулся на говоривших, я весь уже перепачкался в крови, Лай-Дон весь мокрый и с забитыми снегом волосами, прижал очередной тающий ком к её груди...

И вдруг... Буран стих так же внезапно, как и возник. Белогор, на этот раз не только совершенно мокрый от растаявшего на нём снега, но и взявшегося льдом внутри метели, влетел в шатёр, опять оттолкнув нас от Онеги сильными злыми руками, обнял её, совсем потерявшую уже силы. Она припала к нему бессильно...

В шатёр заглянуло яркое, будто умытое солнце... На полу следы мокрых ног Белогора...

Глава 3. Золото

Удивительным приключением обернулось для меня это путешествие по Великому Северу, в который мы влились некогда всем своим многочисленный народом. Но северян было куда больше. И всё же они приняли нас, не отторгая. Прививкой от ненависти к нам стали сколоты Колоксяя, прошедшие гребёнкой насилия по всем городам и селениям. Поэтому нас, разбивших Колоксяя, приняли уже почти как избавителей. Поэтому завоевать Север не составило труда.

И в отношении к моим сколотам не было уже отторжения, по крайней мере, никто не показывал этого. Всё это я замечал, ещё царевичем проезжая по стране и тогда же обдумал. Теперь же находил только новые подтверждения этому. Меня принимали как царя, встречая с радостными возгласами, песнями, обильными пирами и весёлыми танцами.

Конечно, сейчас играло роль то, что мы везли в каждый город золото, что собирали в открытых мне пещерах. Но кроме всего этого, люди хотели, ждали от меня, как от нового царя, спокойствия, которое способствует процветанию как ничто.

Пещеры... Я не знал, ни, где мне искать их, ни, как входить, ни, что я там увижу, никто не сказал мне этого заранее, будто я давно и много раз это делал и делаю, и повторяться с объяснениями незачем.

Поэтому, когда седой и серьёзный старик-северянин оказался моим проводником, я обрадовался. Мне сразу стало спокойно и надёжно на душе.

Первая пещера была совсем недалеко от Солнечного холма, на побережье океана. Если бы я был взволнован меньше, я полнее сумел бы оценить необыкновенную красоту окрестностей пещеры. Убегающий в туман горизонт, закругление по правую руку, будто незаконченная Творцом бухта, куда спускается язык ледника между заснеженной горой и приподнятым плато, похожим на то, что сейчас осталось запруженное людьми, где все в священном восторге смотрят на небо, куда ушли Великий жрец и царица...

Царица. Ладно... Подумав о ней я понял то, что ещё не успел себе дать осознать: я не чувствую себя больше одиноким. Я был одинок всю жизнь.

Родители были отдельно, в царской семье не принято сюсюкать с сыновьями. Я всегда был отдельно и над всеми. Ни один человек не вставал вровень и тем более рядом со мной. Только она. Я не один теперь. Никто так не был близок, ни от кого я не чувствовал тепла как от неё. Я едва успел поцеловать её, но она вошла в меня и растворилась в моей душе, в моей крови и мне не страшно и не холодно теперь. Я не один. Теперь мы вместе.

Мне опять стало тоскливо и не по себе о воспоминания, о том, как не хотелось, чтобы она всё же входила туда...

– Скажи, старик, бывало такое, что не возвращалась царица... оттуда? – спросил я у старика.

Он поглядел на меня, улыбнулся, собрав в добрые морщины небольшое загорелое лицо:

– Не бойсь, царь-осударь, вернётся супружница. Никада не бывало, чтобы делась куда-то. Повертятся тама, в Спирали етой, и придут назад. А ты... – сам он смотрит куда-то, мне непонятно пока, – вона, глянь-кась, вишь, щель промеж скал?

Я посмотрел по направлению его взгляда. Ничего я там не видел, что он-то там углядел, не пойму.

– Лучше гляди, Ориксай, да не глазами, сердцем, царская кровь золотая подскажет тебе...

– тихо добавил он, наклоняясь ко мне.

Я тут же и увидел. Действительно, вход и правильной аркой почти, не какая-то там щель. Обрадованно я гикнул и поехал к стене. Но почувствовал, что никто не едет за мной. Я обер-

нулся: весь мой довольно многочисленный отряд, в том числе Явор, стояли, не понимая, куда это меня несёт. Довольным и всё понявшим выглядел только старик-северянин.

– Ты входи, царь, тада и они узрят. Ты как ключ между стен, – сказал старик, надо имя мне его узнать, такой толковый... Интересно, почему, он говорит «между стен»?

Я спешился, оставив коня на подоспевшего и казавшегося слепым ратника, так бессмысленно он смотрел на открытую мне арку. Вход в пещеру высокий, дальше темно, но я не боюсь, мне не страшно почему-то, будто в свою горницу вхожу...

Я обернулся, у моих спутников почти животный страх на лицах, и кони даже пятятся и прядают ушами, тараша глаза и раздувая ноздри, а северный мой чудесный старик усмехается:

– Настоящий царь. Никто войти не может, кроме царя Великого Севера.

– Вы чего стоите-то, за мной! – махнул я.

Но они глядят, будто происходит что-то страшное. И тогда я вошёл сам. Причём пошёл, не вспомнив про факел, в полную темноту, поначалу от входа, освещённую солнцем, но когда должен был начаться мрак, воздух, будто сам засветился и я увидел лежащие вдоль стен груды мелких золотых самородков. Размером с лесной орех, до голубинового яйца...

Никто не мог войти за мной, но все видели меня в глубине пещеры, пока я, принуждённый сам насыпать золото в мешки, занимался этим. Умаявшись, я решил оставить это занятие, мешочки небольшие, но такие тяжёлые, что вынести из пещеры их было непросто. Двадцать два вышло, на большее меня не хватило.

– Всё? – спросил Явор, когда я, сбросив уже и кафтан и шапку, вытирал лоб и лицо рукавом, отдувался возле своего коня, отвязывая флягу с кобыльим молоком.

Я посмотрел на него, и увидел и удивлённый взгляд старика-северянина, который не заметил Явор, стоящий к нему спиной.

– Где ж всё, чтобы «всё», думаю, тут месяц трудиться надо, а то год. Кто знает, насколько глубока пещера-то.

– Так может, с одной и собрали бы всё и дело с концом? Чего мудрить, по всей стране колесить? – сказал Явор, которому было явно не по себе от всего происходящего.

– Баба за девять месяцев ребёнка вынашивает, ты её не торопи, не то не ребёнок, а неведомый зверёнок выйдет, – сказал мудрый старик. – Всему свой черёд, Явор Мудрый, и порядок свой, – звучит назидательно и Явор не смеет возражать чудному старику. – Нельзя потвоему-то, надо по-царски, все объехать, что успеешь и отовсюду малую толику положенную взять. Как мёд из сотов, так, чтобы пчёлы не подошли от голоду и с тоски.

Вот так и пошли наши дела. Пришлось мне работать в прямом смысле не покладая рук, самому своими руками добывать золото, открывая приоткрытые для меня моей царицей и Белогором пещеры. Мы везли золото до ближайшего города от пещеры, оставляя половину здесь, вторую отправляя специальным обозом в Солнцеград в царскую сокровищницу, чёткий учёт вели мы вместе с Явором. Он записывал, я запоминал, твёрдо решив под любым предлогом забрать у него все эти записки, едва мы вернёмся в столицу.

Поначалу меня впечатлял и забавлял процесс открывания каждой пещеры, потом стал обыденным, как и всё удивительное поначалу потом перестаёт производить сильное впечатление.

– Почему вы не входите за мной? – спросил я Явора, возле очередной пещеры.

Он побледнел немного от моего вопроса. А старик ответил за него:

– Дак не могут они, осударь! Никто не может без разрыву жизненной жилы, окромя царя. И страх одолевает такой, будто за жилу ту уже рука Смерти схватилась.

Явор посмотрел на Веселина, а именно так зовут старика: «Люблю пошутить и повеселиться», сказал он мне на вопрос, почему именно так называли его. И верно засмеялся при этом так, что нельзя было не улыбнуться.

– Так что придётся тебе самому трудиться, царь-осударь. У каждого в этом деле своя цена, своя работа и антирес тожа свой...

Я вижу как у Явора от злости на ничтожного, казалось бы, старика побелели обычно румяные суховатые щёки. Но Веселин знай, посмеивается.

Довольно скоро, больше пещер, которые, в общем, ничем не отличались друг от друга, меня стали занимать города, которые мы проезжали. Я был здесь лет пять, а где-то шесть назад, когда мы только пришли на Север. Много переменялось в радостную для меня сторону: много сколотов осели в городах, многие почти не отличались уже от местных жителей, занимались мирными делами, не как в самом начале: только в рати служили. И женаты уже многие были на северянках.

В городах неизменно устраивали пиры для нас, ещё бы: каждый город получал подарок от царя, на который сильно улучшит благосостояние: отремонтирует дома и улицы, построит кузни новые. Солнечный двор в каждом городе получил по несколько мешков – половину всей городской доли: за Солнечными дворами много общественных обязанностей. Со мной ездили и два жреца с Солнечного двора Белогора, проверить, как идут дела на всех прочих дворах Солнца и Луны. Они же следили и за нашим здоровьем в этом походе. Впрочем, никто не хворал.

– Не тоскуешь по жене-то молодой, расстались-то так скоро после свадьбы? – спросил Явор, когда мы по дороге в очередной город, охотились в начавшем уже зеленеть лесу. Почки ещё не раскрылись на деревьях, но стояли так, что брызги на них дожди и они полыхнут свежей зеленью своей, покроют все ветви и стебли, задышат, зашелестят, заговорят нежным языком своим вместо жестокого, делового зимнего...

Я посмотрел на него, поправляя привязанную у луки седла добычу: несколько уток, болтались ещё не остывшими мягонькими мешочками.

– А тебе что за печаль? По своим соскучился, поди?

– Да я что, я старый и жёны мои старые, а тот Ориксай, какого я знаю, уж сорок раз развлёкся бы, по стольким городам проехались... Что, такая сладкая Авилла, что другие и не по вкусу теперь? Так это только кажется, все одинаковые... Или так умаялся с золотодобычей этой?

– Может и умаялся, что ж я, двужильный тебе?... – сердито проговорил я.

Но в душу мне слова его запали.

Что и говорить, к аскезе я не привык, все об этом знали, и переносить воздержание становилось с каждым днём, а тем более с каждой седмицей, всё сложнее. Но мне так хотелось вернуться к моей царице с тем, с чем я ушёл, с тем горячим, даже восторженным чувством, что я и не думал о том, чтобы развлечься с какой-нибудь из местных девиц. Тем более, что на каждом празднике красавиц было в изобилии, все они были веселы, пели и танцевали зазывно и были, конечно, доступны для меня.

Но вот эти слова Явора и его же ухмылки в последующие недели дело своё сделали.

Однако едва я в городишке Вокхом девицу себе на ночь взял, как в ту же ночь разразилась гроза, пошёл такой ливень и град, что страшно было, не проломит ли крышу. Будто моя благоверная негодовала и топотала по небу. Мне всю ночь это мерещилось. Утром я отправил девицу, богато одарив её, как перед тем её отца, позволившего мне пригласить её к себе на ложе. Но дождь шёл такой, что выехать нечего было и думать.

Веселин поглядев на небо, потом на меня почему-то сказал, опять усмехаясь:

– Ну, усё, молодец, теперича отдыхай, – он сверкнул яркими молодыми глазами на меня. – Осерчали небеса, долгонько дальше не пустют. А до того как золото иссякнет не больше десяти дён. Так что, думаю, всё ты исделал, што мог. Отдохни маненько и поедем в столицу, править.

Вот так мы и застряли в Вокхом. Не доехав до нескольких городов. Не доехав до Ганеша, который особенно хотелось посетить, поглядеть как поднялся он после пожара и... и посмотреть, где же жила Авилла до того как приехала ко мне...

Но нельзя думать о ней. Тоска сковала сердце разом так, что в пору было запить. Пока мы скакали от города к городу, от пещеры к пещере, я двигался как будто всё время к ней, торопясь и не унывая, солнце светило каждый день не было ни одного пасмурного дня, дороги – сухи, люди сообразительны и проворны, а на душе у меня светло и вольно. Но едва пошёл этот дождь, всё изменилось...

Когда ты жена такого мужчины как Яван Медведь, да ещё не признанная, а только принятая из милости, поневоле становишься очень мудрой и чуткой женщиной. Ум развивается не по дням, а по часам, способность видеть, чувствовать, просчитывать, использовать все возможности, чтобы удержаться на своём высоком, но таком неустойчивом стуле, превращается в твоё основное качество.

Вот такой принуждена стать Вея, дочь сколота, которую Яван некогда страстно полюбил, а потом, за лёгкий, как ему казалось, и незлобивый нрав оставил при себе, признал её сыновей и жил с нею в тереме царей, как живут только с настоящими жёнами.

Каково было мне, Вее, все эти годы наблюдать бесконечные вереницы женщин, которыми всё время увлекался мой муж, постоянно открытый поиску и приключениям этого рода. И я вела себя так, чтобы он всегда знал и видел: никого лучше, милее, добрее, чище меня он не найдёт. Никто не станет ему такой преданной женой, никто не станет терпеть то, что безропотно сношу я.

Но, когда, находясь в Ганеше, он... я не знаю, как назвать то, что произошло с ним, потому что влюблялся он по восьми раз на седмицу, там же, видимо наваждение нашло на него, ведьма какая, не иначе, окрутила моего Явана, вот тогда я почти впала в отчаяние. Перебраться в другой дом, быть вышвырнутой не только из жизни Явана, но и из терема, где я была свободна от чёрной работы, от необходимости самой распоряжаться золотом, думать не только о присмотре за детьми, приготовлении пищи, но и о дровах, крупе, молоке, припасах, о том, сколько платить челяди, и ещё сотне мелочей, которые делали за меня в тереме как за царицей, в царском тереме не разделяют. Я привыкла к тому, что я жила, по сути, как царская сноха, совсем без забот, вдруг начать жить самостоятельно – это напугало меня до смерти.

Поэтому, когда Яван приехал хоронить Великая, я дышать боялась, не то, что упрекать его в чём-то. Тем более что он проявил удивительную для него холодность ко мне, сохраняя, очевидно, верность той самой ведьме, молить о лютой смерти, для которой я не уставала с первого же дня, как поняла, что она существует. Тем более удивительно, что спустя совсем небольшое время он вдруг примчался назад в Солцеград и остался здесь, и даже вернул меня в терем.

Но радоваться и успокаиваться я не торопилась: ясно стало, что Яван глубоко уязвлён в самое сердце. Наверное, именно такие как он, кто, кажется неспособен на глубокие чувства и привязанности, и оказываются неожиданно поражены в самое сердце. Как наказание Небес от Папая и Апи.

Пьянство не самое неприятное, что стало происходить с ним, тем более что спьяну он не дрался и не буянил, а тоскливо засыпал. Но то, что он звал во сне какую-то Негу, и меня называл также, когда погасив весь свет в спальне, принимался ласкать, это было неприятнее. Тем более что после этих ласк становился ещё мрачнее и неразговорчивее.

Он и раньше не имел обыкновения много беседовать со мной, находя для себя друзей вне дома, даже если и принимался что-то рассказывать, я могла только слушать, мало что понимая, и думая только о том, чтобы красиво сидеть и чтобы он не заметил, до чего мне хочется зевнуть.

Теперь мне надо было понять, почему же он вернулся? Что вытолкнуло его из Ганеша? Может, проклятая всё же умерла? Поначалу я так и решила, тем более что ничто другое не могло так подействовать на него. И я стала успокаиваться. Тем более что теперь Яван никуда не стремился, даже за юбками не бегал.

Но в один момент всё моё спокойствие испарилось как лужа в жаркий день. Когда завершился этот их северный обряд, поразивший и напугавший меня до глубины души, когда помогая Великому Белогору, Яван взял из его рук царицу, завернутую в одеяло. Сердце замерло во мне. Так не носят цариц, так держат только самое дорогое и милое, что имеют, так прижимая к груди, так бережно опускают на постель... так смотрят нежно и обеспокоенно в лицо... Я даже не подозревала, что он вообще может так смотреть. И довершением, окончательным подтверждением моих подозрений её удивлённый возглас, когда она назвала его как-то странно, как никто его не зовёт...

Пока все испуганно и сочувственно следили, как Великий Белогор спасает её, истекающую кровью, я торжествовала, особенно, видя отчаяние на лице моего мужа. Не знаю, были ли здесь ещё те, кто молил не о спасении для царицы, но я умоляла, чтобы вся её проклятая «золотая» кровь вытекла из неё.

Конечно, Боги не услышали меня. Редко когда простая молитва справедливо обиженной женщины преодолевает царей. Проклятая разлучница выжила. Царь в отъезде. А Яван в Солнцеграде и всего в одном этаже от своей любовницы. Мне нужны союзники в борьбе против ведьмы.

Я быстро нашла их. Вернее её – Агню, любимую жену Орикса. Кто ещё, как не она заинтересован в падении, а лучше гибели Авиллы? И ведь царицу-то погубить просто, доказать только её неверность, и всё – голова долой. Тем более что все в тереме знали, что молодые супруги не очень-то ладят. Думаю теперь, после открытия золота царь с радостью избавится от неё.

Агню встретила меня высокомерно, как и всегда, хотя до недавнего времени она ничем не была выше меня, но я решила простить ей это, лишь бы она была мне полезна.

– Вея? Кто ты ешь? Я не знаю тебя, – сказала толстая-претолстая от бремени Агню, не утратившая, впрочем, ни капли своей всеми признанной красоты, за которую её так ценит Орикса.

Она сидела на широкой лавке, покрытой ковром, перед нею стоял столик с угощением: засахаренными орехами, и сушёными ягодами, клюквой в сахаре, морошкой, ежевикой, маленькими лепёшками на меду и прочими предметами мечтаний любой сладкоежки.

Что ж, я решила сразу взять быка за рога:

– Я жена любовника нашей царицы. И мне думается, прекрасная Агню, наши с тобой враги превратились в одного. Вернее в одну.

Но она хмыкнула только:

– У меня врагов нету-ть. Что мне эта костлявая ледыха? Орикса ко мне от неё, молодой жены, ходит, а что до того, что с ей спит твой муж, так мне тока выгодно, пусть спит! Лучше он, чем царь! – она облизала сахарные крупинки с полных розовых пальчиков с длинными блестящими ногтями. – Так што твои враги – только твои.

– Но она родит ему наследников, и ты останешься, как и прочие твои предшественницы забытой в «царёвых сотах» вековухой.

– Дак я не вековуха уж, второго царю рожаю, – удовлетворённо погладив огромный живот, проговорила Агню. – А ета пушай затяжелет ишшо, кожа да кости, да всё болеет. Вообще, не жилица знать.

Агню выпрямилась, рыгнув, усмехнулась и закончила:

– Иди ты, Вея по добру по здорову. Потерпи, пока соперница твоя сама не загнётся, долго ждать не придётся. Говорят, весь Солнечный холм кровью заплескала, так што долго точно не протянет, сколько бы её Белогор Великий не тянул.

Я начала злиться, тем паче что Агня, чёрт её дери, была права, и пока Ориксай не интересуется царицей, а интересуется Агней, ей помогать мне резона нет. Напротив, сейчас и мы соперницы с ней. Тем более что с моим мужем у этой мерзавки всё как раз было и, конечно, есть, а это и, правда, выгодно Агне.

Так что пришлось мне убраться несолоно хлебавши. Однако днями события начали уско-ряться и наматываться как нить на веретено...

Глава 4. Дурное вино

Скука и уныние обуяли нас в Вокхом. Веселин куда-то исчез, будто и не бывало его и некому было развлечь нас разговором или байкой, или сказочкой из здешних, северных, то про лису и зайца, или волка с медведем, то про царевен прекрасных и мудрых, змеев коварных и злых, и молодцев простодушных и добрых и, потому, удачливых. Никто не помнил, откуда вообще он взялся, этот знаток пещер, и хитроватый шутник, и тем более никто не знал, куда он подевался.

После первой девицы я взял ещё одну, потом чередовал их, сходя с ума от однообразия, и своеобразного бесчувствия, тоска всё полнее овладевала мной, хотя пить много я не старался. Это тоже наскучило. Но книг в Вокхом было мало, и я прочёл их быстро, опять оставшись без развлечения.

Но мысли об Авилле, так старательно гонимые, вернулись, с новой тоской терзая меня. Ни весточки послать, ни получить: пока носились по городам, за нами никакая почта бы не поспела, а теперь застряли мы посреди болот, с дорогами, превратившимися в глиняные топи, как в осаде, какая дойдёт сюда почта... И даже, когда дожди прекратятся, придётся ждать не меньше двух недель, пока возможно станет выехать отсюда.

Вот и получалось, что даже если выдавался денёчек без дождя, то надежда рушилась, когда ливень принимался на следующий день. Вино своим похмельем и отупением надоело, девицы тоже, книги закончились, на охоту не поедешь, мы и пробовали пару раз, один раз застряли, едва не поломав ноги лошадям на самой, казалось, надёжной тропке, другой – так промокли и продрогли, что все простыли и ходили с соплями целую неделю.

В конце-концов сны об Авилле, злость на себя, что заехал в такую топь, злость на неё, за то, что мне даже мечтать о ней приходится представляя себе каких-то других женщин, один краткий поцелуй, объятия, драки и горящее моё сердце, залить огонь ничем не получается, довели меня до того, что я стал думать, а может, ворожея какого позвать, вызовет мне образ её. Но и таких в Вокхом этом не было. Что у них тут вообще есть, кроме сырости, чёрт!..

Я размышлял о том, как хорошо поставлено кузнечное дело на Севере, как толково построены торговые пути и думал, кроме того, что занесло меня в этот городок будто нарочно для того, чтобы я тут от тоски помер. Явор ещё добавлял, напоминал бесконечно, что Яван занимается сейчас в Солнцеграде воеводами:

– Наберёт обормотов каких, – зудел Явор, – ведь почти два года к ряду в Солнцеграде не был, – и косится на меня, думает, я не чую взгляда змейского его. – А сейчас в Солнцеграде уж и к Солнцевороту готовиться взялись, я думаю...

Взялись, понятно, и здесь готовятся тоже... Авилла, не верю, что Яван и ты вашу связь продлите, но всё же... Но всё же бесконечный этот дождь каплям своими всю голову мне продолбил...

Я придумал себе новое развлечение: я попросил местного старосту пригласить на пир к нам какую-нибудь красивую и нестрогую молодую вдову. Мне, никогда с опытными женщинами дела не имевшему стало до жути любопытно, как же это...

Будто бы нарочно её звали Веселина. Но не была она и вполовину, такой как пропавший старик, да что вполовину, на сотую не была. Белогоров, небось, посланник, кто ещё мог знать все пещеры и взяться сопроводить нас? Приеду в Солнцеград, спрошу.

Так вот, Веселина эта, сероглазая, светловолосая, белая, полная как Луна, хороша и тиха, с ней приятно оказалось сразу, уже потому что не пугалась, не жалась и не зажмуривалась от ужаса, не вздыхала тяжело. Охнув в конце, она даже не улыбнулась мне.

– Что-то ты, Веселина, не больно-то весела, нехорош я тебе? – спросил я, набрасывая на себя покрывало, начав стыдиться её.

– Да хорош, чё же, не хуже прочих, – равнодушно сказала она, – только я, царь Ориксай, небольшая охотница до забав глупых етих.

Вот вам и здрастье... не она охотница, час от часу не легче.

– Чего ж пошла?

– Дак золото оно не мешает в кошеле-то, верно?

Я вздохнул:

– Выходит, без золота и не пришла бы?

– Конечно, не пришла ба, на кой леший мне ета радость? Уж прости, не обижайси, я почестному. Што за радость мяться? Никада не понимала. Ты ж мне в «соты» свои не возмёмшь, на всё готовое, а так на што мне? Ещё дитё мне сделашь, совсем я по миру пойду.

Железная и жёсткая житейская мудрость, не забавами живут люди.

Она посмотрела на меня:

– У меня, Ориксай, есь подруга, тоже вдовая, вот она до мущин охочая, правда тоща, ты не любишь, говорят, таковских.

Я смотрю на неё и удивляюсь: сводней заодно решила подработать, что ж, жизнь у них тут, у одиноких женщин и, правда, невесела.

– А что же замуж снова не идёшь? – спросил я.

Она засмеялась, одеваясь, застегнула уже пуговики на сарафане:

– Пойду мож, как совсем туго станит, а пока с голоду не пухну... Мой-то муженёк, провались он поглубже в землю, изверг был и пьяница, через пьянку и помер, зимой замёрз. Опять мне в такой же хомут лезть нешто надо?

– А полюбишь кого?

Она натянула чулок, второй за ним, скрыв белые колени похожие на доброе сало:

– Ето, царь Ориксай, нам дело неведомое, живой бы быть... Да и, знашь, больно хлопотно оно с любовью-то, горе одно...

– От чего ж горе, Веселина? От любви-то? – удивился я, приподнимаясь на локте, и уже с интересом глядя, как она прибирает волосы.

Потом наклонилась, натягивает чуни.

– Конечно, как ишшо?.. Горе и есь, – она распрямилась. – Я вона любила... дак за то меня муж, покойник, смертным боем бил. Меня за его замуж выдали, потому што мово жениха медведь задрал... вот муженёк и вымещал на мне всю жись... Вот те, осударь, и любовь.

– А муж... может, любил? Может, ревновал?

Но Веселина отмахнулась:

– Не-ет, иде там! Просто злыдень. Ему всё равно было, даже детей у нас так и не родилося, – она оправила окончательно сарафан, посмотрела на меня, – пойду я, осударь, ладна-ить?

Ну, хоть поговорили, всё лучше, чем молчком... Подругу, правда, прислала. Маленькая, жилистая, мне казалось, я блоху ловлю в перине. Но повеселила хотя бы: придумывала, как ещё можно соединяться, прямо головоломкой какой-то развлекала меня. Артистка любовных утех, даром, что баб в скоморохи не берут. Кончала по много раз, невзирая на меня вообще, будто сама с собою, мне даже забавно было глядеть на неё, какая-то чудная гимнастика. И звали её Милорада.

– Скажи мне, Милорада, любила ты твоего мужа?

Она улыбнулась, у неё недоставало одного зуба сверху, вернее он был обломан и это придавало её усмешке какой-то разбойный вид, что тоже было необычно и занятно.

– А чё же, осударь, любила. Мой не дрался, как Веселинкин дурак. Хороший, тихой был. Вот только до етого дела был ён слабой, вот меня его отец-то и... научил жись любить. Как нада-ить.

– Батюшки, как же так? – я даже сел в постели.

Милорада засмеялась:

– А чё такова? Чего так удивляйся, царь-осударь? Ты не удивляйся, не то ещё в нашей тесноте-то случается бывает. Но я на свёкора не в обиде, добрый он был и ласковый, подарки дарил. Жаль, помер той весной, совсем мне тоска стала.

– И с кем лучше всего?

– Дак... с тобой, конечно, царь-осударь! – и смеётся, паршивка...

Совсем тошно мне стало от них от всех, будто я вместо доброго вина пошла тухлого напился. Впрочем, в моих «сотах» разве было иначе? И не замечал я, всё как-то казалось нормально и правильно, и даже хорошо и славно, почему теперь всё для меня изменилось, будто я узнал что-то, что раньше было скрыто, будто я уже видел солнце, а мне предлагают верить в то, что в комнате без окон достаточно светло...

Едва высохли мокрые следы Белогора на полу нашей палатки, я, находясь ещё во власти пережитого ужасного происшествия, но чувствуя по Белогору, который позволил подать себе сухую одежду, приказал принести вина и мёда, воды, мяса побольше, потом поставить для него здесь же ещё топчан для спанья, а нам всем велел возвращаться в столицу, я подумал уже о том, что настало время вплотную заняться порученным мне делом с воеводами. Хотя с Белогоровым решением отправить нас всех поскорее с Солнечного холма я всё же попытался поспорить:

– Да ты что, Великий ты кудесник, снег же вон по колено, куда же ехать, шутишь, похоже?! – воскликнул я, выслушав его приказы.

Он отнял от лица полотенце, которым вытирал ещё мокрые волосы и, посмотрев на меня, сказал своим мягким, но не терпящим возражений голосом:

– Снег испарится в течение часа, Яван, – говорит со мной, а сам смотрит на топчан, где лежит Онега, которую он погрузил в сон и не позволил трогать ничего около, особенно то, что оказалось в её крови.

Но всё же перевёл на меня взгляд стальной:

– А в долине его и вовсе не было. Медведь, сколько дней нас с царицей не было... Дорога ещё, столица, рать без присмотра. Даже в самые спокойные времена, а теперь... Царь пока теперь своё дело окончит и вернётся, ты сейчас, пока нездорова Авилла, ты – власть. Поезжай, Медведь, займись делами, нельзя уже тянуть.

Не согласиться с ним было невозможно, но и уехать вот так...

– А Оне... она, – я не могу оторвать взгляда от начинающей запекаться крови на Онеге и вокруг неё.

Белогор посмотрел не на меня, а за мою спину:

– Ты имя это забудь, Яван... слишком много ушей, и сердец вокруг тебя, полных яда, не дразни гиен, не притягивай кровососущих мух на свою и царицы души. Езжай, береги себя. Днями мы за вами будем, расскажешь, чего успел.

Я не понял, о ком он говорит. За моей спиной была Вея и я мог понять почему он намекает на мою верную покорную Вею, от которой не то что зла, недовольства я ни разу не видел. Но спорить я не стал. И уже по дороге мы с Лай-Доном всё же поговорили об этом.

– Ничего такого я за Веей не замечал, – сказал он, раздумчиво, – но может, только потому, что вообще никогда Вею твою я не замечал? – он выразительно посмотрел на меня. – Ты сам сильно разбираешься в том, что чувствует и думает Вея?

Я удивился. Я удивился очень сильно, что мы оба с ним вообще о Вее, как о человеке с чувствами и, тем более, мыслями подумали и заговорили впервые.

– Что, ты думаешь, надо мне собственной жены опасаться? Совсем уже...

Лай-Дон пожал плечами:

– Я не знаю, Яван, но, во-первых: Белогор зря слов не произносит. А во-вторых: в такое время и древко копья может превратиться в змею. Что уж говорить об обиженной женщине, – он сделал очень выразительные глаза.

Я принял к сведению, как говориться, и забыл... Столько дел навалилось на меня, будто я стог сена потревожил, и он на меня обрушился. Надо было выбирать.

Помимо порученного мне дела с воеводами, к которому я приступил, ещё находясь на Солнечном холме, когда поговорил с первыми двумя ратниками, которых я помнил хорошо ещё с похода. Все в войске знали о том, что будут новые воеводы и их временные заместители старались показать себя с самых лучших сторон.

Я знал этих двоих ещё с того времени как мы на Север шли, знал, что доверить им свою жизнь – не прогадать, и всё же в том деле, что мне предстоит, этого мало. Я должен понимать, сердцем они с Явором или с Ориксаем.

Поэтому первым делом я спросил издалека:

– Что думаете насчёт этого новшества насчёт женского полу?

Они, друзья не разлей вода, переглянулись:

– Не знаю, что ты думаешь узнать у нас, Яван Медведь, но вообще-то с паскудством пора прекращать, конечно.

– Это вы мне как дяде царя говорите сейчас?

У них серьёзные рожи:

– Ты думаешь, Явор не вопрошал об этом? Успел до отъезда. Всех собирал и ехидничал: «что-то слишком круто забирает царь молодой, за баловство сразу смертью карать».

Я смотрел на них, ожидая, каким же будет их ответ. И что думают в войске об этом. Вот Явор – хитрая бестия, успел всё же шороху навести, счастье, что Орик его с собой забрал, не дал бы братец мне подкопать под него...

– А вы много набаловались? – спросил я.

Старший из них, темнобородый и темноглазый, по имени Ковыль, сделался хмурым:

– Доброму-от мужику паскудство претит, Медведь. Ещё в раже сражения, можно как-то понять и то... Но при мирной-от жизни, при сытости, негоже так обижать женский пол. И так жизнь не сладкая у них.

А второй по прозвищу Черныш, хотя был белый как лунный гость, сказал:

– А я жил с женщиной, которую вот так вот суродовали, несладкая жизнь – это мягко сказано.

– Вообще-от много кто думают так-то, – добавил Ковыль.

Я вздохнул, что ж, единомышленников хотя бы в этом вопросе я нашёл. Что они о главном думают? Может махнуть с плеча разом, открыть им всё? Вроде не гнилые мужики...

– Вот что, братцы, дело не о бабах сейчас идёт, конечно, это так, бревно в стену, – сказал я, внимательно глядя на них. – А вообще, созрела в недрах неких умов, мысль царя законного устранить. Того самого, кто мальчишкой рядом с нами из степи в терема эти пришёл.

Они не удивились. И даже не переглянулись больше:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.